

Оглавление

От автора	9
<i>Введение. КОГДА ИСПУТАЛИСЬ ИСЛАМСКОЙ УГРОЗЫ?...</i>	10
<i>Глава первая. ДЕМОГРАФИЯ ИСЛАМА.....</i>	19
Кого и где больше?.....	20
Демография и нефть	35
Перейдет ли количество в качество?	
Исламское единство на фоне нефти и демографии.....	37
<i>Глава вторая. ИДЕОЛОГИЯ НА ВСЕ ВРЕМЕНА .....</i>	46
Просто исламизм.....	47
Юность исламизма. Основоположники	49
Наследники.....	53
С думой об исламизме	57
«Мы пойдем другим путем».....	66
Кто он, исламист?.....	74
<i>Глава третья. КОМУ И ЧТО УГРОЖАЕТ?.....</i>	83
Исламисты и мусульмане.....	83
Исламизм для Европы.....	91
Исламистская угроза Америке	97
Исламские заботы России.....	103
Исламизм в Африке к югу от Сахары.....	107
Исламисты в сепаратистских движениях	109
Соблазн ОМУ.....	111
Откуда берутся деньги?	114
Организация? Движение? Нет, сеть.....	120

<i>Глава четвертая. РЕФОРМА И РЕФОРМАТОРЫ</i>	128
Тернистый путь	128
Реформа и мазхабы	134
Ислам и секуляризм	136
Ислам либеральный	140
О мусульманском феминизме	149
<i>Глава пятая. ПОЧЕМУ БОЯТСЯ ИСЛАМА?</i>	161
История одной нелюбви	162
Наследники традиции или заложники современности?	165
Террористы — кровавые маньяки или Робин Гуды?	184
«Как нам демократизировать ислам?»	189
Заключение	201
Библиография	206
Summary	217
О Фонде Карнеги	221

Contents

Acknowledgements	9
<i>Introduction. WHEN DID WE GET FRIGHTENED BY THE ISLAMIC THREAT?</i>	10
<i>Chapter 1. THE DEMOGRAPHY OF ISLAM</i>	19
Of Whom and Where Is There More?	47
Demography and Oil	49
Can Their Numbers Be Translated Into Qualitative Advances? Islamic Unity, Oil and Demography.....	37
<i>Chapter 2. AN IDEOLOGY FOR ALL TIME</i>	46
Simply Islamism.....	47
The Early Days of Islamism. The Founders.....	49
The Successors	53
Thinking About Islamism.....	57
“We’ll Take a Different Road”	66
Who Is an Islamist?.....	74
<i>Chapter 3. A THREAT FOR WHOM AND BY WHAT?</i>	83
Islamists and Muslims.....	83
Islamism and Europe	91
The Islamist Threat to America.....	97
Russia’s Islamic Concerns.....	103
Islamism in Sub-Saharan Africa	107
Islamists in Separatist Movements	109
The Lure of Weapons of Mass Destruction.....	111
Where Does the Money Come From?	114
Organization? Movement? No, a Network.....	120

<i>Chapter 4. REFORM AND REFORMERS</i>	128
A Thorny Path	128
Reform and the Mazhabs	134
Islam and Secularism	136
Liberal Islam	140
Islamic Feminism	149
 <i>Chapter 5. WHY IS ISLAM FEARED?</i>	 161
A History of Dislike	162
Followers of Tradition or Hostages to Modernity?	165
Terrorists — Violent Fanatics or Robin Hoods?	184
“How Can We Democratize Islam?”	189
 Conclusion	 201
 Bibliography	 206
 Summary (In English)	 217
About the Carnegie Endowment	221

Введение

КОГДА ИСПУГАЛИСЬ ИСЛАМСКОЙ УГРОЗЫ?

Кто впервые выкрикнул слова «исламская угроза»? Они могли вырваться еще в VII в. из уст мекканского курейшита-язычника, иудея из города Ясриб (ставшего потом священной Мединой), византийца или перса. В разные исторические эпохи их могли произнести североафриканские берберы, испанцы, французы, славяне... Все, кто ощутил на себе давление энергичной мусульманской цивилизации.

Изменился ли смысл этого словосочетания в наши дни, когда «новая исламская угроза» встала на повестку нынешнего политического дня?

Очевидно, это случилось в начале 80-х годов прошлого века. Специалисты и сами не до конца разобрались в этом вопросе. Масштабный французский исламовед Жиль Кепель называет сразу два момента появления этой угрозы, именуемой теперь исламизмом, — начало 70-х и начало 80-х годов ¹.

Опубликованные в 80-х — в первой половине 90-х книги об исламизме, экстремизме и терроризме имели конкретные событийные привязки: исламская революция и шиитский активизм в Иране, убийство египетского президента Анвара Садата, исламизация палестинского сопротивления, гражданская война в Алжире, политизация после распада СССР ислама Центральной Азии и Северного Кавказа ².

Выражение «исламская угроза» часто увязывают с революцией в Иране. На рубеже 70-х и 80-х годов источник угрозы содержался не в прилагательном «исламская», но в существительном «револю-

ция». Свержение шаха даже сравнивали с 1917 г. в России. Но вскоре именно эпитет «исламский» стал отражением сути иранского катаклизма, круги от которого разошлись по всей мусульманской *умме*, изрядно насторожив остальной мир. Революция выглядит вдвойне устрашающе, если она персонифицируется в нахмуренном лике аятоллы Хомейни, который своей фанатичной непреклонностью вызывал ассоциации с... Максимилианом Робеспьером. Вообразите: Робеспьер от ислама.

Еще одним критическим «происшествием», давшим импульс политизации ислама, стала начавшаяся в канун нового 1980 г. война в Афганистане. В 80-е годы происходит исламизация палестинского движения, которое ранее не сумело достичь своей цели с помощью националистической идеологии. Тогда же стремительно возрастает мусульманская миграция в Европу... Это лишь приблизительный перечень событий, предопределивших развитие мусульманского мира в последующие двадцать пять лет и формировавших его будущее.

Каждое из этих событий в отдельности не представляет собой «исламскую угрозу». Но, взятые вместе, они не могли не вызвать чувства беспокойства у остальной, прежде всего еврохристианской, части мира: в мусульманской среде явно происходило что-то странное, не укладывавшееся в привычные рамки, затрагивавшее благополучную часть планеты. Да и поощряемое Западом и Китаем афганское сопротивление советскому вторжению в конечном счете демонстрировало не столько финансовые возможности его спонсоров, сколько непобедимость муджахедов.

Изучение case-studies стало оборачиваться исследованием исламистской тенденции; причем формирование самого исламизма и его анализ происходили одновременно.

Словосочетание «исламская угроза» не обрело академической легитимности и употреблялось скорее как метафора. Вводя в оборот это понятие, ученые тут же ставили его под сомнение. Память подсказывает названия соответствующих книг, глав, статей, оканчивавшихся многозначительным вопросительным знаком: «Исламская угроза: миф или реальность?» — монография американского исследователя Джона Л. Эспозито ³; «Ислам: война Западу?» — французов С. Бриера и О. Карре ⁴; «Солнце Аллаха слепит Запад. Будем капитулировать?» — бывшего руководителя службы стратегического планирования НАТО, французского генерала Пьера-Мари Галуа ⁵. «Должен ли Запад страшиться ислама?» — вопрошали немцы Йохан

Хипплер и Андреа Люг. И сами же отвечали: «...бояться надо не самого ислама. Самое главное — пристально следить за теми, кто несет его знамя»⁶. В 1993 г. в Амстердаме после завершения конференции, кажется, о будущем бывших советских республик я разговаривал с Андреа, и мы сошлись на том, что «исламская угроза» еще только появляется, а мы пока не осознаем, какое значение она со временем обретет.

В 1999 г. в журнале «Middle East Quarterly» прошли дебаты под заголовком «Представляет ли исламизм угрозу?»⁷. «Умер ли исламизм?» — спрашивали американский ученый Дэниел Пайпс и иранская писательница Азар Нафиси, рассуждая об исламском радикализме⁸. Израильский ученый Яков Рои в 2001 г. выпустил сборник статей «Ислам в СНГ: угроза стабильности?»⁹. В Варшаве в государственном Центре восточных исследований выходит аналитический материал «Ислам в Центральной Азии — шанс или угроза для региона?»¹⁰, в 2000 г. в России, все с тем же вопросительным знаком, — сборник статей «Исламизм: глобальная угроза?»¹¹. В 2003 г. Центр Никсона выпустил почтовый бюллетень под названием «Есть ли у исламского терроризма стратегия?»¹². Обаянию вопросительного знака однажды поддался и автор этих строк, опубликовавший статью «Исламская угроза: миф или реальность?»¹³.

(Встречный вопрос задавали и продолжают задавать мусульмане. Американский богослов и общественный деятель, выходец из Пакистана Абид Уллах Джан назвал свою книгу «Война против ислама?»¹⁴. В предисловии к ней бывший глава пакистанской разведки генерал Хамид Гул уже без вопросительного знака констатирует, что «интеллектуальный альянс» подтолкнул военный альянс Запада на развязывание войны против мусульманского мира.)

Страх перед «исламской угрозой» стужался, самовоспроизводился в книгах, на конференциях, в речах политиков. Неадекватное восприятие активности мусульман под религиозными лозунгами усугублялось некорректностью самого термина «исламская угроза», который в массовом сознании воспринимался как угроза, исходящая от ислама и вообще мусульман.

И только впоследствии уже задним числом стало проясняться, что на самом деле представляет угрозу.

Обратимся к недавней истории. После Второй мировой войны понятия «мусульманский мир» в качестве пусть аморфной, но все же политической общности, субъекта мировой политики просто не существовало. В эпоху биполярности каждая мусульманская

страна имела собственного постоянного патрона (США или СССР) или, соблюдая скользкий нейтралитет, балансировала между сверхдержавами. И конечно, никакой исламской угрозы со стороны мусульман не исходило и не могло исходить.

Официальное и оппозиционное направления в идеологии мусульманских народов были окрашены в националистический колер, а апелляции мусульманских лидеров к религии носили в основном ритуальный характер. В 60-х годах один из пятилетних планов Египта начинался с коранической формулы «бисмилля», в Алжире президент страны в 1965–1978 гг. Хуари Бумедьен напоминал об исламских корнях местного социализма и т. д., в уважении к исламу клялся президент Индонезии в 1945–1967 гг. всемогущий Сукарно и т. д.

Существовали, правда, концепции «мусульманского социализма», получившие развитие в ряде арабских стран, в Юго-Восточной Азии. В Египте, например, в 50–70-х годах их разрабатывал и поддерживал ректор университета «аль-Азхар» Мухаммад Шальхут, в Индонезии в 40–50-х годах — Абикусно Чокросуйосо, в Малайзии — Амар Джухари Моаин. На Филиппинах с позиций мусульманского социализма поначалу выступал сепаратистский Фронт освобождения Моро, до 70-х годов теорию «мусульманского национализма» разрабатывала Мусульманская лига Пакистана.

На весь мусульманский мир приходилось лишь несколько радикальных исламских организаций, крупнейшая из которых, созданная еще в 1928 г., «Братья-мусульмане», действовала в арабских странах (Египте, Сирии, Йемене, Судане) и ограничивалась исключительно внутренними, национальными проблемами. Возникшая в 1952 г. в Палестине Исламская партия освобождения (Хизб ат-тах-рир аль-ислямий) оставалась практически незамеченной.

Никто всерьез не поднимал вопрос об исламском единстве как средстве борьбы за политические цели. Богатые нефтью мусульманские страны были погружены в пучину внутренних интриг, а их внешним противником были левые арабские социалисты, главным «исчадием ада» среди которых считался президент Египта Гамаль Абдель Насер. Первая межгосударственная мусульманская организация — Исламская лига — была образована в 1962 г., в 1969 г., возникла наиболее влиятельная Организация «Исламская конференция», в 1975 г. — Исламский банк развития. Создание большинства других международных мусульманских организаций приходится на конец 70-х — самое начало 80-х годов.

Провал догоняющих национальных моделей развития западного и советского (квазисоветского) образца, медленная, «вялотекущая» модернизация экономики, невообразимая безработица, разрыв в уровне жизни между элитой и остальным обществом в сочетании с культурной экспансией извне — все это порождало у мусульман желание найти иной, качественно отличный от уже опробованных путь выхода из кризиса. Протест против убогого бытия у значительной части населения трансформировался в идею исламской альтернативы. Ее возникновению косвенно способствовало и то, что имевшая место в 60–90-е годы экономическая либерализация не привела к глубоким политическим реформам, предоставляющим обществу возможность самовыражаться и действовать, опираясь на светскую демократическую идеологию и соответствующие ей политические нормы. Сами же власти, улучшая экономическую ситуацию, стремились таким образом избежать проведения политических реформ¹⁵, тем самым создавая себе опасного конкурента, умеющего манипулировать религией, великолепно ориентироваться и действовать вне рамок легальной политики.

Пока протест был обращен только вовнутрь, исламский радикализм оставался «идеологией и практикой в себе». В этом контексте он был естественным, разумеется, с учетом его доминирующей социальной составляющей, продолжателем возникшей в Средние века *салафийи*, последователи которой выступали за возврат к «истинному исламу», призывали следовать образцам религиозного, бытового, политического поведения общины времен пророка Мухаммада и четырех праведных халифов. Салафиты утверждали, что только таким образом можно воссоздать истинное исламское государство всеобщего благоденствия, в котором социальная справедливость обеспечивается праведным правителем. Салафийя, как и ее нынешний вариант — исламизм, была и остается великой религиозно-этической иллюзией и, по выражению французского исламоведа Максима Роденсона, «для удобства может именоваться также идеологией»¹⁶.

Салафизм благополучно дожил до наших дней, а его последователи действуют, опираясь на вполне соответствующую их задачам и образу действия высокую исламскую традицию, ориентированную на участие в мирской — социальной и политической жизни.

Обмирщенность свойственна всем авраамическим религиям. Однако в исламе она выглядит наиболее последовательной и радикальной. «Для большинства мусульман, — отмечает Дж. Эспозито, — ислам есть всеобщий образ жизни... Ислам для них неотделим

от политики, законодательства, образования, общественной жизни и экономики»¹⁷. По словам живущего во Франции арабского исследователя Анвара Абд аль-Малека, «ислам представляет собой скорее социальную концепцию национального порядка, общественной эволюции, прогресса, нежели обычное религиозное течение»¹⁸. «В отличие от христианства ислам располагает целостной программой для организации общества», — утверждает Д. Пайпс¹⁹. Такой подход может быть подвергнут критике, и немалое число специалистов, в том числе исламоведов, его не разделяет. В то же время этот стереотип остается доминирующим при оценке исламской политической традиции, а главное, он отражает самооценку мусульман и в общественной мысли, и в общественном сознании.

В 50–70-х годах главным противником исламских радикалов была местная «испорченная» власть, представленная египетскими президентами: «почти марксистом» Гамалем Абдель Насером, его наследником — подписавшим Кэмп-Дэвидские соглашения «предателем» Анваром Садатом, дряхлым королем Ливии Идрисом, непоследовательными правителями Пакистана, шахом «офранцузенного» Ирана и... список этот бесконечен. Конечно, за спинами «предателей» стояли западные или коммунистические «темные силы», которые в ту эпоху для исламистов оставались недостижимы.

Интересно: в 60–70-х годах казалось, что обращение к джихаду, как это было в эпоху освободительных войн, окончательно осталось в прошлом, в XIX — первой половине XX в., когда ислам мобилизовывал мусульман на борьбу за независимое национальное государство. Шедший почти два столетия повсеместно, хотя и асинхронно, антиколониальный джихад увенчался обретением независимости. Далее, утратив остроту, он плавно трансформировался в один из «штатных» лозунгов борьбы против империализма или мирового коммунизма. Показательно, что именно такая иерархия врага: США — «большой Сатана», СССР — «малый Сатана» — перекочевала в идеологию исламской революции Ирана.

Всерьез думать о том, что когда-нибудь джихад субституируется в «исламскую угрозу», до середины 80-х, пожалуй, не отважился бы даже автор теории «столкновения цивилизаций» Сэмюэл Хантингтон.

Здесь, наверное, уместно небольшое отступление. Говоря об авторстве Хантингтона, нельзя забывать, что о цивилизациях как о субъектах политики писали и до него — Николай Данилевский, Освальд Шпенглер, Арнольд Тойнби, и не только они. Однако, во-

первых, именно Хантингтон в известном смысле довел эту идею до логического конца, а во-вторых, события конца прошлого — начала нашего века актуализировали («спекуляризировали») подход к цивилизациям как к субъектам политики.

Я закавычиваю термин «исламская угроза». И делаю это отнюдь не потому, что не хочется обижать мусульман. Кстати, многие из них — кто открыто, а кто застенчиво — гордятся тем, что в той или иной степени сопричастны к этой самой угрозе, которой так страшится Запад. То, что воспринимается на Западе как исламская угроза, на самом деле есть целый комплекс проблем, который включает:

- демографический аспект;
- исламизм как устойчивый естественный феномен политической культуры и политического действия мусульман;
- непосредственную активность исламистов включая террор;
- трудности на пути модернизации и демократизации мусульманского общества.

Я не касаюсь социально-экономической проблематики. Это тема самостоятельного исследования. Религиозно-политические сюжеты имеют относительную автономию по отношению к собственно экономическим проблемам. При всей важности социально-экономической составляющей вопросы, поставленные исламизмом, требуют решения раньше, чем мусульмане всего мира придут к материальному благополучию. Американский исследователь Гренвилл Байфорд сравнивает войну против терроризма с «войнами» против бедности, преступности, наркотиков, в которых «противник никогда не сдаётся»²⁰. С бедностью человечество воевало и будет воевать на протяжении веков. Срок, отведенный на победу над экстремизмом, короче. В противном случае субъектом геополитики окончательно станет абсолютно неконтролируемая и способная на любые (включая катастрофические для всего человечества) акции сила, ходы которой непредсказуемы.

«Исламская проблема» — увлекательнейшая интрига наступившего нового века. В самом начале XXI столетия многие заглавные события в мире творятся именно на землях ислама или напрямую связаны с мусульманами. И вряд ли кто-нибудь возьмется предсказать скорое и тем более благополучное завершение этих перипетий.

Примечания

- ¹ *Kepele G.* Jihad. Expansion et declin de l'islamisme. — Paris: Gallimard, 2000.
- ² Среди сотен появившихся в то время публикаций назову только те, которые, с моей точки зрения, наиболее репрезентативны: *The Politics of Islamic Revivalism: Diversity and Unity* / Sh. T. Hunter, ed. — Bloomington: Indiana Univ. Press, 1988; *Hiro D.* Holy Wars: The Rise of Islamic Fundamentalism. — New York: Routledge, 1989; *Radical Islam: Medieval Theology and Modern Politics.* — New Haven, CT: Yale Univ. Press, 1985; *Kepele G.* La revanche de Dieu: chrétiens, juifs et musulmans a la reconquête du monde. — Paris: Le Seuil, 1991; *Kelsy J.* Islam and War: A Study in Comparative Ethic. — Louisville, KY: Westminster/John Knox Press, 1993.
- ³ *Esposito J.* The Islamic Threat: Myth or reality? — New York: Oxford Univ. Press, 1992.
- ⁴ *Briere C., Carre O.* Islam: Guerre a l'Occident? — Paris, 1993.
- ⁵ *Gallois P.-M.* Le soleil d'Allah aveugle l'Occident. La capitulation? — Paris: L'Âge de l'Homme, 1995.
- ⁶ *The Next Threat: Western Perceptions of Islam* / Ed. by J. Hippler and A. Lueg. — London: Pluto Press with Translational Inst., 1995. — P. 158.
- ⁷ *Is Islamism a Threat? // The Middle East Quart.* — 1999. — Dec. — Vol. 6. — № 4.
- ⁸ *Pipes D., Nafisi A.* Is Islamism Dead? The Future Islamism in the Muslim World // Policywatch. — 1999. — Febr. 10 (<http://www.danielpipes.org/article/304>).
- ⁹ *Ro'i Ya.* Islam in the CIS: A Threat to Stability? / The Royal Inst. of Intern. Affairs. — [S. l.], 2001.
- ¹⁰ *Islam in Central Asia — a chance or a threat to the region? / Osrodek Studiow Wschodnich.* — Warszawa, 2002.
- ¹¹ *Исламизм: глобальная угроза?* — М., 2000. — (Науч. докл. / Науч.-исслед. ин-т соц. систем; № 2).
- ¹² *Does Islamic Terrorism Have a Strategy? A Meeting with Steve Emerson / The Nixon Center.* — Washington, D.C., March 3, 2003.
- ¹³ *Малащенко А.* Исламская угроза: миф или реальность? // Труд. — 2002. — 2 окт.
- ¹⁴ *Jan Abid Ullab.* A War on Islam? / Maktaba Al Ansar, UK. — [S. l.], 2001.
- ¹⁵ *Abdeslam M. Magbraoui.* Depolitization in Morocco // J. of Democracy. — 2002. — Oct. — Vol. 1133. — № 4. — P. 25.
- ¹⁶ *Rodinson M.* L'Islam. Politique et croyance. — Paris: Librairie Artheme Fayard, 1993. — P. 40.
- ¹⁷ *Esposito J. L.* Islam. The Straight Path. — New York: Oxford Univ. Press, 1991. — P. 156–157.

- ¹⁸ *Abdel-Malek A.* L'Islam dans la pensée nationale progressiste // Rev. Tier-Monde. — 1982. — Vol. 23. — № 92. — Oct.—Dec. — P. 849.
- ¹⁹ *Pipes D.* In the Path of God: Islam and Political Power. — New York: Basic Books, Inc., Publ., 1983. — P. 11.
- ²⁰ *Byford G.* The Wrong War // Foreign Affairs. — 2002. — July/Aug. — P. 34.

Summary

Islamism is a phenomenon that arises naturally and logically within the Muslim world and cannot be 'abolished' or put down to the schemes of ignorant obscurantists. Only Islam can propose its own alternative form of globalization, an alternative most clearly and thoroughly described by Islamists themselves.

The Quran and tradition are predisposed to a fundamentalist reading. The historical experience of the last 400 years has also contributed to such a reading. Islamism is not a malady of Islam, but an endless reaction to Islam's lost history. Even if we were to consider it as a malady, it would take generations to cure it, and the 'healers' (if there were any) would constantly have to provide not only for 'treatment of the patient' but also for maintaining the patient's psychological stability. Otherwise outbreaks of terrorism would be inevitable and threaten not only the patient but also the doctors.

Islamism is a political activity and a part of popular consciousness at the same time, and of course an ideology. The key issues for Islamism include 1) developing an Islamic alternative and 2) defining Islam's stance toward the non-Islamic world, especially the West (including Russia), as well as China and India.

There are two distinct movements in Islamism: a *moderate* one consisting of pragmatic Islamists concerned with practical issues and acting like political groups at the national or local level; and a radical, extremist movement struggling for a priori unattainable goals such as the creation of a caliphate, but ready to fight for these goals indefinitely, using the harshest methods possible, including resorting to terrorism.

While putting the term 'Islamic threat' in the quotation marks we should acknowledge the existence of an Islamist or, to be more exact, radical Islamist threat. This threat will persist for an indefinitely long period of time. Even if we agree with those who believe that it could be overcome in the next twenty years, we must admit that the near and medium-term future is unpredictable. The Islamist threat can to some extent be likened to the Israeli-Palestinian conflict, which has lasted for nearly sixty years even though a definitive resolution often seemed possible during these years. However, the Islamist situation is much more complicated.

The radical Islamist threat has the following characteristics:

- Ongoing efforts to destabilize Islamic countries;
- Constant rather than sporadic terrorist attacks against the West which have become a specific form of a declared war, which, as any war, claims civilian lives;
- Fomenting local conflicts, involving the greatest possible number of people, groups and movements;
- Efforts to acquire weapons of mass destruction. One has to assume that it is only a matter of time before Islamists achieve this goal, and where and against whom they choose to use such weapons will depend on the character, cast of mind, intelligence and psychology of a group or a lone fanatic.

The Islamist threat is provocative: it leads politicians and society to believe that an ongoing clash of civilizations has already started, and it complicates relationships between ethnic and religious groups. It exerts a growing influence on the public consciousness and state policy of the countries of Eurasia and America, leading to counter-measures that threaten to curtail democracy.

People worldwide are now getting used to religious fanaticism; it is becoming a normal feature of life for Americans, Europeans, and Russians. It goes unnoticed and people are reminded of it only after another act of terrorism is committed.

Only on September 11 did the United States, and then the rest of the world, start to really recognize that we are dealing not with a marginalized group or some invulnerable 'Islamic mafia' but with a political and cultural phenomenon reflecting the opinions and interests of millions of people. Furthermore, destroying Bin Laden will not make this phenomenon disappear by itself.

The Islamic community does not have time to wait for the elimination of the social roots of Islamic radicalism poverty, backwardness, and the weakness or almost complete absence of civil society. The world has

long outgrown the illusion that 'big money' from oil or gas can by itself solve socio-economic and political problems. The period from 1970 to 2000 dispelled that idea.

Reforms and the democratization of Islamic society are slow and are taking place at the same time as changes of priorities in Islamic ideology. Modern institutions and their activities are not sufficient to turn the tide and make the modernization process irreversible.

The transformation of Islamic society is scarcely imaginable 'outside Islam'. The dissemination of a progressive reformist ideology is impossible without the combined efforts of theologians, scholars and politicians. Overcoming the most archaic interpretations can be considered successful only if this process involves the middle class at large and takes hold more firmly at the level of mass consciousness.

But in the late 20th and early 21st centuries Islamists are the more active players in society. The two major movements, Islamist and reformist, operate in 'parallel' in Islamic ideology. The reformers accuse the Islamists of distorting Islam, fueling tension within Islam and confrontation with the followers of other religions. On occasion, Islamists are rejected as true adherents of Islam. The Islamists do much the same, accusing their opponents of imitating the West and being oblivious to the values of 'true Islam'. In this way, the very possibility of a reform process is put in doubt. Extremists call for a war against the traitors and for their overthrow and elimination. The inter-Islamic dialogue does not happen. And this is one of the major problems of modern Islam.

Will Islamic civilization ever 'mature' to the level of Christian (Western Christian) civilization, where the resolution of worldly problems does not require resorting to a Supreme Being? For it seems that only in this case will the politicization of Islam in its most radical forms be prevented, the prospects for further Islamic revolutions eliminated, and will the 'Islamist threat', both internal and external, disappear by itself. For Muslims this question sounds extremely blunt and even "insulting".

It is not possible for one civilization to 'catch up' with another even in a long-term historical perspective. The paths of development of any civilization are complicated and oblique. It is impossible to predict which factors will influence the development of value systems. And it is completely unknown what new circumstances will affect humanity in general. (qualitative technological advances, a nuclear apocalypse, cloning, or even the effects of outer space?)

The weight of the foregoing circumstances is not likely to bear in full in the near future. But it is clear that every civilization maintains its

'constants', including a set of religious, ideological, and psychological factors defining the norms governing relationships between people, the individual and society, the individual and the state, and among followers of various religions. The Islamic tradition emphasizes interrelations between groups and cultures more than between individuals. This presupposes an almost insurmountable difference between views on personal liberty and human rights. This difference between the Islamic and Western Christian traditions will hardly ever be fully overcome.

It can be described as 'lagging-behind' but also as a fundamental difference between these cultures. The Western world view emphasizes the former circumstances and the Islamic world the latter.

The main argument of the West in favor of Western civilization is the high level of economic development, which is clearly evident against the backdrop of the Muslim world, which is falling further and further behind. The Muslims according to this logic should admit without any reservations their own underdevelopment and inability to independently resolve their political and social problems. They should fully accept the "rules of the game" set by the West. It is obvious, however, that such an approach can meet nothing but a negative reaction in the Muslim society, and that this reaction would be most actively and fiercely expressed by Islamists, first of all by their radical and extremist wing.

Islamism will maintain its influence in the policy and ideology of Muslims for an indefinitely long time.